

О ПРАВЕ РЕБЕНКА НА ОБРАЗОВАНИЕ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

О.И. Сочнева, Н.Н. Тарусина

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

В статье рассматриваются вопросы соотношения права ребенка на воспитание и образование во взаимодействии с соответствующими правами и обязанностями его родителей и других законных воспитателей. Дается характеристика элементов содержания права на образование, конкретизируются наиболее актуальные из них – выбор образовательного учреждения, индивидуальное обучение, безопасность образовательной среды и др. Анализируется конструкция обязанностей ребенка в образовательной сфере в сравнении с семейным законодательством, в котором она отсутствует, хотя и подразумевается через право родителей на воспитание и образование ребенка.

Ключевые слова: *ребенок, право на образование, содержание, актуальные аспекты, конструкция обязанности.*

Ключевым содержательным и динамическим компонентом в пространстве ребенка является его воспитание родителями и другими законными попечителями (включая такую своеобразную фигуру, с точки зрения семейного закона, как «фактические воспитатели»), уполномоченными на то педагогами/воспитателями/госслужащими (муниципальными служащими), сотрудниками учреждений дополнительного образования, различных общественных объединений с детским участием, в более удаленном от ребенка режиме – представителями самых различных государственных (муниципальных) структур, учреждений культуры, медицины, СМИ, граждан и т. д. При этом далеко не все перечисленные типы субъектов одновременно являются носителями обязанности по надлежащему воспитанию: специальные, характерные именно для рассматриваемой юридической возможности (права на воспитание) формы существования, конструкции «права-обязанности», присущи только лицам, призванным законом к прямому воздействию на «маленького человека». С правом ребенка на воспитание имманентно связано его право на получение образования, поскольку последнее оказывает существенное влияние на развитие личности несовершеннолетнего ребенка, формирование его духовного и интеллектуального потенциала, когнитивных способностей и жизненных компетенций. В определенном смысле его можно рассматривать и как элемент содержания права на воспитание, и как самостоятельную конструкцию, наполненную своей собственной

сущностью. Данное право в общем виде (и означенной вариации) сформулировано в норме ст. 43 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) как право каждого на получение образования [1]. Его качественные характеристики конкретизированы в конституционных поправках – положениях об уважении памяти предков, патриотизме, нравственном долге, уважительном отношении к старшим (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Отраслевая его конкретизация, формы осуществления «онормативлены» специальным Федеральным законом от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), и применительно к детям также обеспечивается соответствующей деятельностью различных субъектов: родителей (лиц, их заменяющих) педагогов, государства [5].

Прежде всего, за образование ребенка ответственными признаются его родители, что следует из закрепления на уровне Конституции РФ (ч. 4 ст. 43 Конституции РФ), а далее – на уровне семейного законодательства (п. 2 ст. 63 Семейного кодекса РФ, далее – СК РФ) [3] их соответствующей обязанности обеспечить получение ребенком основного общего образования. При этом по смыслу абз. 2 ст. 69 СК РФ неосуществление данной обязанности может быть квалифицировано как уклонение от выполнения обязанностей родителей и стать основанием для лишения родителей родительских прав (усыновителей/удочерителей – для отмены усыновления/удочерения, опекунов/попечителей – для прекращения опеки/попечительства). Судебной практике известны случаи, когда при рассмотрении иска о лишении родительских прав ключом к оценке «качества» воспитания являлось неисполнение именно данной обязанности. Так, прокурором Даниловского района Ярославской области был предъявлен иск о лишении родительских прав проживающих в отдаленной деревне родителей в связи с тем, что их дети (в возрасте 12 и 15 лет) не посещали школу, а также не проходили промежуточной и итоговой аттестации в каких-либо образовательных организациях. Вместе с тем, рассматривая данное дело, суд установил, что дети при этом умеют свободно читать и писать, имеют навыки работы на компьютере, пользуются библиотекой ближайшего населенного пункта, обеспечены необходимой для обучения литературой, проинформированы о возможности прохождения аттестации, от общения со сверстниками не отказываются. Такое отношение к образованию детей родители объяснили тем, что только в условиях, отдаленных от цивилизации и приближенных к природе, можно вырастить психически и физически здоровых детей, поэтому с учетом мнения детей избрали семейное обучение. Отказывая в удовлетворении иска о лишении родительских прав, суд исходил из необходимости соблюдения интересов родителей и детей, сохранения нормального эмоционального, психологического и физического состояния последних. По мнению суда, факт непрохождения детьми

аттестации уровня знаний не может быть признан уклонением родителей от выполнения родительских обязанностей, поскольку установлено, что в данном случае это совпадает и с позицией детей. С решением Даниловского районного суда Ярославской области от 05.10.2016 г. № 2-729/2016 согласился и Ярославский областной суд.

Признавая его правильность, полагаем необходимым добавить, что родители имеют преимущественное право на образование своих детей, вправе с учетом мнения ребенка выбирать формы его получения, включая семейное образование и самообразование, а прохождение промежуточной госаттестации является их правом, а не долженствованием (ст. 17, 34, 44, 45 Закона об образовании). В настоящее время основными формами такового являются: обучение в образовательной организации, семейное образование и самообразование. Наряду с этим международное законодательство не сводит рассматриваемое право исключительно к обеспечению освоения им соответствующих образовательных программ. В частности, Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 г. в норме ст. 29 в общем виде определяет цели образования, среди которых обозначены: его направленность на развитие личности, талантов умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме; воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной. Готовность ребенка к самостоятельной жизни в обществе закреплена в качестве базовой ценности в преамбуле Конвенции. В приведенном случае родители организовали освоение детьми достаточного для социализации уровня общей грамотности, а также приобретение хозяйственно-бытовых навыков, необходимых для тех условий, в которых они проживали [2].

Поскольку речь идет о праве ребенка на образование как субъекта, обладающего дееспособностью, пусть и неполной, объем которой с возрастом (и при наборе определенных юридических фактов) возрастает [11], необходимо определить его содержательные элементы. В данном вопросе очевидно взаимодействие законодательства об образовании и семейного закона. В этом смысле ключевым является положение об учете мнения ребенка (не обусловленное нижней возрастной границей) и правило о даче им согласия на совершение ряда семейно-правовых актов (ст. 57 СК РФ), которое имеет императивную природу и базируется на исчерпывающем перечне оснований. Последняя конструкция, на наш взгляд, может быть «реципирована» и в нормы ст. 34 Закона об образовании с указанием «стартового» возраста учащегося (с помощью цифры или другого критерия) и фиксацией перечня соответствующих образовательных ситуаций. Кроме того, следует иметь в виду, что ребенок, без ограничения по возрасту, обладает

правом на административную защиту от различных злоупотреблений родителей, а с 14 лет – на самостоятельную судебную защиту, в том числе при невыполнении родителями обязанностей по его образованию (ст. 56 СК РФ). Конечно, подобный «экстрим» – чрезвычайен по своему характеру, но, как видим, отнюдь не исключен. Соответственно, ребенку (также без указания возраста) предоставлено право на обжалование актов образовательного учреждения, сопровождаемое классическим в своей неопределенности уточнением: «в установленном законодательством РФ порядке» (ст. 34 Закона об образовании).

Среди основных элементов права ребенка на образование: 1) выбор образовательной организации (с учетом аналогичного права родителей и других законных воспитателей, то есть, по сути, на основе консенсуса); 2) обучение по индивидуальному плану (ускоренное, инклюзивное и др.), участие в формировании содержания своего образования (с обязательным учетом госстандартов и учебных планов школы); 3) уважение достоинства, защита от психического и физического насилия; 4) свобода на выражение своих взглядов и убеждений; 5) право пользования необходимыми информационными ресурсами; 6) право на поощрение, участие в управленческом процессе, различных объединениях с «детским элементом» и др. Проблемность первого элемента заключается не только в необходимости договориться с родителями (другими попечителями), но и в своеобразной «территориальной конкуренции» образовательных учреждений – с преимущественным правом выбора, обусловленного местом жительства (регистрацией) ребенка (за исключением специализированных школ, лицеев при вузах и т. п.), т. е. необходимостью обеспечения их территориальной доступности. Подобное условие моделирует для детей и родителей, проживающих в отдалении от школы, «отсроченное право» (реализуемое во вторую очередь – после детей «ближнего круга проживания»), что критикуется в доктрине как не соответствующее духу Основного закона РФ [10].

Среди вариаций индивидуализации обучения наиболее актуальными, на наш взгляд, являются две. Первая: обеспечение комфортной (или хотя бы приемлемой) образовательной среды для детей с инвалидностью (доступ в здание, аудитории, библиотеку и т. д.; сопровождение обучения кураторами (тьюторами); помощь в получении технических средств; при необходимости организация дистанционного режима и т. д.). Целеполагание в этом вопросе заявлено на законодательном уровне (федеральном и региональном), однако реализация затруднена объективными и субъективными факторами – финансовыми, организационными, кадровыми, техническими [8] (например, не каждое здание школы и другого образовательного учреждения может быть оборудовано удобным въездом, лифтом (а специальное кресло-подъемник – не вполне надежно и комфортно). В то

же время после получения «всем и вся» богатого опыта по организации дистанционного обучения в период пандемии 2019–2021 гг. по крайней мере этот компонент инклюзива стал вполне работающим. Следует, впрочем, заметить, что данная технология, даже и для детей с инвалидностью, должна быть, по возможности, факультативной и не заменять прямого общения с педагогами и другими воспитателями [9]. Вторая «вариация» индивидуализации образования, предполагающая персонафицированный план обучения, на наш взгляд, пока системно не проработана: она не обеспечена ни идеологически, ни кадрово, ни финансово, ни организационно. Каждый ли ребенок обладает данной возможностью или только с особенностями развития (вундеркинд, с талантами в определенной области, инвалидностью, чрезвычайной отдаленностью проживания и т. д.)? Прямого ответа на этот вопрос в законодательстве нет. Равным образом отсутствует и кадровая предпосылка: при такой форме обучения резко возрастает педагогическая нагрузка, что требует дополнительного штата сотрудников (а учителей в России не хватает, особенно в провинции).

К наиболее актуальным аспектам реализации права на образование, безусловно, относится и право ребенка на информацию, возможность пользования информационными ресурсами, в том числе цифровыми. Как всякая правовая свобода означенная возможность подлежит ограничению (ст. 55 Конституции РФ), особенно в отношении детей: вредоносная информация должна блокироваться, Интернет-зависимость – профилактироваться, «цифровая жизнь» детей в целом – контролироваться родителями и педагогами. Одним из ярких примеров подобного рода явился, после активной дискуссии, запрет пользования «гаджетами» (средствами связи) на уроках (ФЗ от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”») [6].

Содержание образования должно отвечать стандартам качества. Это обеспечивается не только соответствием занятий заявленной образовательной программе, квалификацией и добросовестностью педагогов, но и созданием безопасных условий пребывания в самом образовательном учреждении, на прилегающей территории, в иных местах проведения образовательных мероприятий (например, во время экскурсий, посещения кино, организаций общественного питания и т. п.), включая соблюдение санитарно-гигиенических требований, пожарной безопасности, а также путем должного надзора за ребенком со стороны образовательного учреждения (ст. 28 Закона об образовании). В случае невыполнения указанных требований оно несет ответственность как за действия ребенка, так и за причинение вреда его жизни и здоровью. В соответствии с положениями п. 3 ст. 1073 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [4], а также разъяснениями абз. 3 п. 14 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» в случае причинения вреда малолетним (в том числе и самому себе) в период его временного нахождения в образовательной, медицинской организации или иной структуре, у лица (на основе договора), осуществлявших за ним в этот период надзор, к последним может быть предъявлена претензия о возмещении причиненного вреда, если они не докажут отсутствия в том своей вины [7].

Ненадлежащий присмотр включает в себя: отсутствие во время инцидента педагога (в нарушение должностной инструкции) в здании или на прилегающей к нему территории, причем не только в период, когда ребенок, согласно расписанию, находился или должен был находиться на занятиях, но и в пределах режима работы образовательного учреждения в целом. В частности, в судебной практике есть примеры, когда последнее привлекалось к ответственности за вред, полученный ребенком во время игры, пользования спортивным оборудованием на пришкольной территории именно за пределами расписания занятий. В этих случаях суды, принимая решение, акцентировали внимание на том, что школа не обеспечила надлежащий контроль. Так, например, Решением Дзержинского районного суда г. Ярославля по гражданскому делу № 2-3300/2023 от 01.11.2023 г. частично удовлетворены иски требования О.С.А. (матери ребенка) к ИП З.П.М. о компенсации морального вреда и взыскании штрафа в размере 50 % от присужденной судом суммы. Исковые требования были мотивированы тем, что ее сын Р. (10 лет) получил травму во время прогулки, являясь слушателем курсов по программе «Летний городской IT-лагерь» на основании договора, заключенного между О.С.А. и ИП З.П.М. от 28.07.2022 г. В этот момент ребенок находился под присмотром водителя (сотрудника ответчика) – А.Е.О. Непосредственной причиной травмы стало падение Р. во время организованной прогулки с самоката, который он принес из дома. При этом суд оставил без внимания доводы ответчика о том, что данный самокат ребенок ежедневно приносил в лагерь и использовал на прогулках с ведома матери. Кроме того, на протяжении всей прогулки ответчик присутствовал, соответственно, дети, в том числе и Р., не были предоставлены сами себе, прогулка была организована в месте, обеспечивающем безопасные для этого условия, – на территории спортивного стадиона МОУ СШ № 90, травма Р. во время прогулки не была следствием нарушения дисциплины им самим либо другими детьми. Ребенок получил ее при обычном катании на самокате, которое не было связано с высокой скоростью, исполнением трюков и т. п.

Следует заметить, что нахождение ребенка под надзором образовательного учреждения само по себе не снимает с его родителей

и лиц, их заменяющих, ответственности за его поведение, жизнь и здоровье. Присутствие в законе презумпции вины образовательной организации в ненадлежащем надзоре за обучающимся несовершеннолетним (п. 3 ст. 1073 ГК РФ), наряду с общим правилом о преимущественно родительской ответственности как за причиненный ребенком, так и нанесенный ему вред (п. 1 ст. 1073 ГК РФ), в судебных спорах данной категории создает проблему разграничения ответственности родителей и образовательной организации. Так, например, Ш.А.П. (родитель несовершеннолетнего Ш.П.) обратился в Якутский городской суд с иском к средней общеобразовательной школе № 15 г. Якутска о взыскании компенсации морального вреда в связи с тем, что его сын, находясь в здании школы, получил травму в результате действий одноклассника – Т.А., который толкнул его сына в школьной раздевалке. Проанализировав и оценив представленные доказательства в их совокупности, суд пришел к выводу о частичном удовлетворении заявленных требований, возложив ответственность за вред, помимо школы, и на мать ребенка, толкнувшего сына истца. Суд счел, что поведение малолетнего Т.А. находится в причинной связи с недостатками в воспитании ребенка со стороны его матери С.И.Е., которые были подробно изложены судом (решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) по делу № 2-2432/2020 от 28.05.2020 г.).

Особое внимание следует обратить на конструкцию обязанности, которая, в отличие от семейного законодательства, где о ней не упоминается ни единого раза, в законодательстве об образовании присутствует – к долженствованию дети призваны самым непосредственным образом: в соответствии с нормами ст. 43 Закона об образовании ребенок, независимо от возраста, обязан соблюдать локальные нормативные акты образовательного учреждения (устав, правила внутреннего распорядка, учебный план и т. п.), уважительно относиться к педагогам, другим сотрудникам, одноклассникам; по факту невыполнения/нарушения установленных правил он (начиная со старших классов, т. е. примерно с 10-летнего возраста) может быть привлечен к дисциплинарной ответственности – от замечания до отчисления из школы (иного учреждения подобного типа). В этом плане Закон об образовании принципиально отличается от другого отраслевого законодательства, регулирующего те или иные отношения с детским элементом, в котором относительно конструкции детских обязанностей, как правило, либо вообще не сообщается (семейный закон), либо «намекается» лишь опосредованно (например, при реализации права на труд, распоряжении своим доходом, участии в публичных мероприятиях и т. д.).

Добротность реализации права на образование зависит от множества факторов: от мотивированности ребенка, таланта педагога,

доступности и оснащенности образовательных учреждений и т. п., в том числе обеспечения их учебниками (обычными и электронными), – не только развивающими способности ребенка в различных областях знания, но и воспитывающих в нем гражданственность, гуманитарное начало (конечно, это касается не только литературы, истории, обществознания, но также и математики (можно предложить задачи с коммерческим уклоном, а можно – с добрым, житейским) и других учебных дисциплин).

Кроме того, в последние годы государство (в лице своих наиболее пассионарных представителей) озадачилось идеей о необходимости возрождения детской активности – по типу пионерии, комсомола и подобных общественных движений. Организованы «Юнармия», «Движение первых» и др. Развитию творческого потенциала детей способствуют олимпиады, конкурсы, кружки (с тенденцией на ослабление коммерческого в них начала и, напротив, развития системы поощрения, в том числе материального). Все это в той или иной мере замещает потери от замены выпускных экзаменов ЕГЭ (как бы его организаторы ни убеждали общественность в его преобразовании из «апологета тестирования» в творческую форму контроля знаний). Конечно, специализированные классы в школах, лицеи при вузах, школы воскресного дня существовали и ранее, однако система «образование–воспитание–talant–гражданственность» во многом была ослаблена или дезориентирована. Маркером новейшего времени стали также добровольчество, благотворительность (в меру детских сил), иные формы гражданской активности «маленьких людей» (письма участникам СВО, концертные программы для ветеранов и т. д.). Все это обогащает образовательный процесс – в широком его понимании и создает предпосылки для возвращения образования в лоно классических ценностей российского общества, но – на основе современного их прочтения и технологического обеспечения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ
4. (ред. от 31.07.2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

6. Федеральный закон от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Егупова М.А. Практика обеспечения доступности образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (на основе анализа деятельности уполномоченных по правам ребенка в регионах Южного федерального округа // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22. № 3. С. 72–84.

9. Конева Е.В., Тарусина Н.Н. Дистанционное обучение: между правомерностью и вредоносностью // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Том 16. № 4. С. 634–641.

10. Рязанова Е.А. Некоторые аспекты реализации конституционного права ребенка на образование, связанные с местом его проживания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 3 (59). С. 13–19.

11. Тарусина Н.Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex Russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10. С. 17–32.

Об авторах:

СОЧНЕВА Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», Заслуженный юрист РФ, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

ON THE RIGHT OF THE CHILD TO EDUCATION: CLASSICS AND MODERN CHALLENGES

O.I. Sochneva, N.N. Tarusina

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl

The article examines the issues of the relationship between the child's right to upbringing and education – in interaction with the relevant rights and obligations of his parents and other legal educators. The characteristics of the elements of the content of the right to education are given, the most relevant of them are specified – the choice of an educational institution, individual training, the safety of the educational environment, etc. The author analyzes the structure of the child's responsibilities in the educational sphere – in comparison with family legislation, in which it is absent, although it is implied through the right of parents to raise and educate a child.

Keywords: *the child, the right to education, content, relevant aspects, the construction of responsibilities.*

About authors:

SOCHNEVA Olga – Senior Lecturer at the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, SPIN-код: 2913-8840, AuthorID: 644867, e-mail: o.sochneva@uniyar.ac.ru

TARUSINA Nadezhda – PhD in Law, Professor, Head of the Department of Social and Family Law of the Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Honored Lawyer of the RF, SPIN-code: 5565-5523, SPIN-код: 5565-5523, AuthorID: 525260, e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Сочнева О.И., Тарусина Н.Н. О праве ребенка на образование: классика и современные вызовы // Вестник ТвГУ. Серия: право. 2024. № 1 (77). С. 36–45.

Статья поступила в редакцию 10.02.2024 г.

Подписана в печать 14.03.2024 г.